

Когда Лу Цинюаня и Е Чжэнчжэн затянуло внутрь гигантского лотоса, остальные заклинатели бросились было следом. Шэнь Мэнчжуан стремительно прочитал заклинание, и в то же мгновение за его спиной взметнулся яростный вихрь, закрутивший тучи пыли и песка.

Шэнь Мэнчжуан направил свой меч навстречу стихии, пытаясь сдержать натиск, но летящий песок и гравий в секунду запорошили глаза. Колоссальный ураган сковал всех по рукам и ногам. Чжоу Буфань взмыл на мече и развернул защитный барьер, закрывая товарищей. Лэн Шанлань одним взмахом рассекла летящие в них валуны — ее Меч Истребления Демонов, неостановимый и грозный, устремился прямо в сердце вихря. Но ярость бури была слишком велика: едва приблизившись к воронке, клинок с силой отбросило назад. Пробиться не получалось ни на вершок.

Четверо заклинателей прикладывали все силы, сдерживая неистовые порывы ветра, но положение двоих, затянутых в бутон лотоса, оставалось не менее отчаянным.

Внутри белоснежного лотоса струился едва уловимый, дурманящий аромат. Здешний мир разительно отличался от того, что бушевал снаружи. Ввысь, подпирая облака, уходила величественная башня. Оттуда лились тихие, протяжные звуки циня, неодолимо манявшие Лу Цинюаня за собой.

Перед ним вырос великолепный резной терем, покрытый киноварным лаком. Лу Цинюань поднял голову: на здании не было вывески, и оставалось лишь гадать, постоянный ли это двор или трактир. И только приглушенная мелодия продолжала тихо кружить в воздухе.

Повинуясь зову, юноша шагнул вперед. Тяжелые двери беззвучно разошлись перед ним. Внутри колыхались тончайшие шелковые занавеси, клубился полупрозрачный туман, а сквозь журчание струн прорывался тихий девичий смех.

— Братец, ты совсем один?

Кто здесь? Лу Цинюань вздрогнул от неожиданности и затравленно огляделся, но вокруг не было ни души.

— Какой же ты хорошенький, братец.

— Кто здесь? Покажись! — Лу Цинюань завертелся на месте, но видел лишь колышущиеся полога невесомой кисеи.

Нежный, вкрадчивый шепот, струившийся отовсюду, казался призрачным наваждением. Он мягко проникал в самые глубины сознания, тревожа душу и рождая в ней смутное беспокойство.

— Хочешь увидеть меня, братец?

Да кто же ты? Растерянный и напуганный, юноша метался взглядом по сторонам. Пустынный, безмолвный чертог, эта навязчивая музыка, прячущийся в тенях смех — все это было слишком странным и пугающим. По спине пробежал ледяной озноб. В этом безжизненном месте он чувствовал себя жалкой, незащищенной пушинкой, заброшенной в бушующий океан.

"Почему же Старшего соученика все еще нет рядом?.."

Страх медленно сжимал его сердце ледяными тисками.

Не смея сделать больше ни шага в глубь залы, Лу Цинюань попятился назад, собираясь бежать. Но стоило ему развернуться, как тяжелые створки дверей с глухим стуком захлопнулись прямо перед его носом, а со спины повеяло густым сизым дымом.

— Раз уж пришел, братец, не уходи... Останься, побудь со мной.

В голосе, прозвучавшем над самым ухом, сквозила капризная обида пополам с ласковым, но не терпящим возражений приказом.

Сладкий, вкрадчивый шепот заставил Лу Цинюаня содрогнуться. Сизый туман клубился вокруг, застилая взор. Сквозь колыхание шелковых пологов в его теле вдруг зародился странный, пугающий жар, который стремительно растекался по жилам, заставляя щеки пылать.

— Мне нужно идти... Я не могу остаться, — выдавил он из себя, преодолевая слабость. Сгорая от стыда и смутнения, он робко надеялся на милосердие невидимой хозяйки. — Меня ждут. Правда. Пожалуйста, отпусти меня, открой дверь.

В ответ раздался лишь тихий, вкрадчивый смешок, будто его слова были сущим пустяком.

— Шутишь, глупенький? Это ведь я тебя заждалась. Не уходи. Побудь со мной...

Каждое слово невидимой девы обладало колдовской силой: с каждым звуком внутреннее пламя разгоралось всё яростнее, сердце испуганно ускоряло бег, а дышать становилось всё труднее. Что с ним происходит? Почему тело так странно и мучительно ноет?

Прижав ладонь к груди, Лу Цинюань из последних сил пытался подавить эту противоестественную дрожь. В его голосе сквозили горькие слезы и отчаянная мольба:

— Пожалуйста, отпусти меня. Правда, меня ждут. Вот увидишь, как только я выберусь, я обязательно вернусь к тебе... Честно! Только отпусти сейчас. Иначе... иначе он будет очень сильно за меня переживать.

Невидимая собеседница рассмеялась чуть громче, и теперь в ее смехе слышалась злая издевка.

— Какой же ты милашка. Но ведь это я, я тебя ждала.

От этого шепота грудную клетку затапливало бешеное, удушливое сердцебиение. Сизый дым застилал разум, голова налилась свинцовой тяжестью, а тело постепенно переставало слушаться. Внутренний пожар разгорался все сильнее, принося невыносимое томление.

— Ой, да ты весь взмок, братец. Если тебе жарко — сбрось одежду, не стесняйся. Здесь ведь никого нет, кроме нас.

Лу Цинюань судорожно вцепился пальцами в ворот своих одеяний. Широкий вырез обнажил ключицы, по лбу катился обильный пот, дыхание с хрипом вырывалось из груди, а щеки полыхали пунцовым румянцем. За что ему эти муки? Почему все так?

— Раздевайся же, братец.

Искушающий голос ласкал слух, но Лу Цинюань отчаянно мотал головой. Нет, нельзя! Если Старший соученик узнает, он разозлится... Юноша до крови закусил нижнюю губу, в его глазах скопились горькие слезы бессилия.

"Нельзя... Если Старший соученик узнает, он рассердится... Старший соученик, приди поскорее! Нет, не надо, умоляю, только не видь меня таким жалким!"

Нежный смех колокольчиком разносился в душном полумраке, безжалостно играя на натянутых нервах юноши.

— Скинь одежды.

— Ну же, смелее.

— Облегчи свои страдания...

Девчачий лепет подливал масла в бушующий внутри огонь. Горело уже не только лицо — все тело охватило удушливым зноем. Обливаясь потом, Лу Цинюань мертвой хваткой вцепился в ткань халата.

"Не надо... Пожалуйста, не надо!"

Слезы обиды застилали взор, но в глубине души он все еще отчаянно цеплялся за последний

рубеж своей воли. Обессиленный, он опустился на колени, судорожно сжимая ворот на груди.

— Если тебе так плохо, братец, сбрось их.

— Ах, какая нежная кожа... Наверняка шелковистая на ощупь. Так и хочется укусить.

— Вот так... совсем легонько...

В то же мгновение шею Лу Цинюаня пронзила тонкая, острая боль, похожая на укус ядовитого муравья. Волна сладкой, липкой истомы прокатилась от затылка к макушке и хлынула по позвоночнику, заставляя внутренний пожар вспыхнуть с новой, разрушительной силой.

— Как сладко... Братец, я хочу еще. Отдай мне все, хорошо?

И это вкрадчивое, зудящее прикосновение поползло ниже — от шеи к груди, пробуждая каждую нервную клетку.

"Нет! Прекрати! Не смей, мне это отвратительно!"

Лу Цинюань закусил губу до крови. Слезы хлынули из глаз ручьем. Сжимая рукава одежды, он отчаянно мотал головой и умолял невидимого мучителя:

— Прекрати... Пожалуйста, умоляю, остановись! Мне мерзко, нельзя... Пожалуйста!

Но нежный, исполненный похоти смех становился лишь громче, окончательно выжигая остатки его разума.

— Тебе ведь нравится, братец, сознайся. Посмотри, как горит твое тело... Тебе очень, очень хорошо. Давай я помогу тебе, и все страдания тут же уйдут.

Липкая ласка скользила все ниже по животу. Дыхание Лу Цинюаня сделалось прерывистым и частым. Разум заволокло туманом: казалось, его затягивает в бушующий, бездонный океан, чья-то исполинская длань утаскивает на глубину, и вода безжалостно смыкается над его головой.

Сизый дым стучался. Сквозь звонкий девичий смех теперь отчетливо слышалось чужое, горячее дыхание. Оно ложилось в такт его собственным рваным вздохам, увлекая за собой и забирая последние крохи воли.

С покрасневшими от слез глазами Лу Цинюань сам рванул ворот своих одежд. Его ладони, не помня себя, принялись хаотично блуждать по собственной груди. Запрокинув голову, он

прислонился спиной к холодной стене, а по его щекам непрерывно катились горячие слезы.

— Умница, братец, именно так... Спускайся ниже. Сними же эту одежду.

Поддавшись чужой воле, лишившийся рассудка Лу Цинюань послушно развязал пояс. Ткань распахнулась, обнажая безупречно белую, гладкую кожу.

— И что же мы будем делать дальше? Тебе помочь? Кого бы нам позвать на подмогу?

Взгляд Лу Цинюаня окончательно затуманился. Шепот навязчиво кружил в его голове:

"Кто придет? Кто ему поможет?"

— Пусть будет она.

Едва прозвучали эти слова, как сверху рухнул чей-то силуэт. Пурпурные шелка ученических одеяний вспыхнули ярким пятном перед глазами юноши, на миг вернув ему остроту чувств.

Это была Е Чжэнчжэн.

Кое-как поднявшись на ноги, девушка со стоном ухватилась за ушибленную поясницу. Падение вышло на редкость жестким — от резкой боли у нее даже выступили слезы.

Но стоило ей заметить Лу Цинюаня, как лицо ее озарилось неподдельной радостью. Позабыв про боль, она бросилась к нему:

— Цинюань! Ты тоже здесь! С тобой все в порядке? Я так испугалась!

Лу Цинюань уставился на нее тяжелым, немигающим взглядом. Так хищный зверь смотрит на добычу, зажатую в угол.

Ничего не подозревающая Е Чжэнчжэн приблизилась к нему. Заметив его разорванные одежды, она решила, что юноша только что выдержал тяжелый бой. Девушка доверчиво взяла его под руку и затараторила:

— Нам нужно скорее выбираться отсюда, старшие соученики наверняка с ума сходят от тревоги! Ты не ранен?

Это неожиданное прикосновение мгновенно взорвало остатки его самообладания. Внутреннее пламя взметнулось до небес. Лу Цинюань яростно дернул девушку на себя, впечатал спиной в стену и принялся дико, без разбору рвать ткань на ее груди. В его безумных, налитых кровью

глазах горел такой порочный, хищный блеск, что у Е Чжэнчжэн мороз прошел по коже.

Опешив от подобного натиска, она на миг застыла, не в силах сообразить, что происходит. И лишь сухой, резкий треск раздираемой ткани вывел ее из оцепенения.

— Цинюань, ты что творишь?! — закричала она, пытаясь прикрыться руками и отпихнуть его тяжелые ладони.

Лу Цинюань не проронил ни слова. Его багровые глаза буравили ее лицо, на лбу вздулись багровые вены, дыхание вырывалось из груди частыми, рваными толчками. Намертво перехватив ее шею одной рукой, он грубо отвел ее защищающиеся ладони в сторону и продолжил срывать клочья одежды.

— Пусти! Прекрати! Цинюань, что с тобой стряслось?! Не надо! — Девушка отчаянно забилась в его руках. Извернувшись, она сумела сбросить его удушающий захват и пальцами быстро сотворила защитную печать, отбрасывая безумца назад.

Ударная волна отбросила Лу Цинюаня на несколько шагов, он покачнулся, но бушующая в крови похоть упрямо гнала его вперед. Он жаждал лишь одного — растерзать и поглотить стоящую перед ним жертву.

"Нет, только не это..."

"Старший соученик, спаси меня! Мне так мерзко... Старший соученик, пожалуйста!"

Однако собственная плоть больше не подчинялась ему. Лу Цинюань вновь налетел на Е Чжэнчжэн, повалил ее на холодный пол и принялся с неистовой силой срывать с нее ученическое платье. Белизна обнаженных девичьих плеч ослепила его, а в ушах по-прежнему звенел довольный смех:

— Да, именно так. Ты отличный ученик, братец.

"Нет, это не я! Я не хочу этого! О боги, как же это отвратительно... Старший соученик, умоляю, помоги мне!"

Противоборство чужого внушения и собственных угасающих чувств едва не лишило его рассудка. В порыве дикого, отчаянного сопротивления Лу Цинюань со всей силы ударил себя кулаком в грудь и наотмашь швырнул собственное тело на каменную стену. Сильный удар выбил воздух из легких, из глаз брызнули слезы боли.

— Капризничаешь? Мне это не нравится. А ну-ка продолжай, не то тебе станет гораздо хуже.

Ядовитый шепот подхлестнул измученное тело. Превозмогая боль, Лу Цинюань медленно поднялся на ноги и вновь ринулся на Е Чжэнчжэн. Его взгляд сделался абсолютно безумным и беспощадным.

Понимая, что дело худо, девушка попятилась, стараясь держать дистанцию:

— Цинюань! Очнись! Тебя околдовали?!

Но в ответ было лишь глухое рычание. Сжигаемый заживо внутренним жаром, он совершил очередной бросок. Е Чжэнчжэн ловко уклонилась от когтей безумца и быстрым движением пальцев начертала в воздухе сияющий глиф, который с силой отшвырнул юношу прочь.

С глухим стуком Лу Цинюань повалился на пол. Они сходились снова и снова. На лице Е Чжэнчжэн застыла маска мучительной жалости и беспомощности: она не могла позволить себе ранить его, но и бездействовать означало обречь себя на погибель.

— Цинюань, приди в себя! Это же я, посмотри на меня! — кричала она, тщетно пытаясь воззвать к его разуму. Однако сознание юноши было намертво заблокировано сладким, журчащим, как весенний ручей, девичьим смехом.

А снаружи, за пределами лотоса, Шэнь Мэнчжуан и остальные заклинатели вели отчаянную битву с бушующим смерчем. Лэн Шанлань, стоя на летящем мече, раз за разом атаковала самое сердце урагана, стремясь рассечь его яростные потоки. Чжоу Буфань кружил рядом, принимая на свой клинок град из летящих камней и щебня.

Шэнь Мэнчжуан, оценив обстановку, молниеносно начертал в воздухе талисман, и ревущий столб ветра устремился прямо на него. Заклинатель изобразил на лице крайнюю степень ужаса и попытался уклониться, однако тяжелый каменный осколок на излете с глухим стуком врезался ему прямо в грудь.

— Старший соученик! — испуганно вскрикнул Чжоу Буфань. Он рванулся было на помощь, но яростный поток воздуха отбросил его назад, не давая приблизиться.

Смерч настигал. Стиснув зубы, Шэнь Мэнчжуан взмахнул мечом, выстраивая вокруг себя оборонительный массив. Две мощнейшие силы столкнулись, порождая оглушительный гул, и замерли в хрупком, смертельно опасном равновесии.

— Уходите! Живее! — перекрывая рев бури, крикнул Шэнь Мэнчжуан, не оборачиваясь. — Я задержу его! Спасайте младших!

Лицо его исказилось от нечеловеческого напряжения. Противостояние урагану требовало от него последних духовных сил. Меч Мирного Века в его руке вибрировал так яростно, что, казалось, готов был переломиться, испуская холодные, слепящие вспышки энергии.

Заметив колебания Чжоу Буфаня, Шэнь Мэнчжуан рявкнул вновь:

— Чего застыл?! Спасай их! Со мной ничего не случится!

В этот миг ураган обрушился с новой силой. Защитный барьер содрогнулся, и Шэнь Мэнчжуан, не выдержав обратного удара духовной энергии, глухо застонал, а с его губ сорвалась струйка алой крови.

<http://bllate.org/book/20579/2130805>